

УДК: 394:338.43(571.651)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧУКОТСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ ТРАДИЦИИ К НЕОТРАДИЦИИ

Хаховская Л. Н.

ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: hahovskaya@gmail.com

Автор рассматривает экономические и социальные процессы, происходящие в настоящее время в сфере оленеводства на Чукотке. Исследование проведено в русле концепций историзма и неотрадиционализма. В постперестроечный период приватизация оленьих стад и попытка вернуться к традиционному укладу сопровождались резким сокращением поголовья домашних оленей. Во второй половине 1990-х гг. начался обратный процесс объединения уцелевших частных оленеводческих хозяйств и восстановление государственных структур. Показано, что обеспечивающая роль государства является неотъемлемым социально-экономическим условием функционирования чукотского оленеводства как в советское время, так и в условиях рыночной экономики. Способ этнического природопользования, в равной мере основанный на исторической преемственности традиционного уклада коренных этносов и современных возможностях гораздо более широкого сообщества, его институтов и государства в целом, представляет собой неотрадиционное явление.

Ключевые слова: Чукотка, оленеводство, этническое природопользование, новейшее время, трансформация, модернизация, неотрадиция.

DOI: 10.34078/1814-0998-2024-3-108-119

ВВЕДЕНИЕ

В новейшее время этническое природопользование коренных народов Крайнего Северо-Востока подверглось глубокой трансформации, при этом изменения в способах хозяйствования происходили неравномерно в различных отраслях. Особый интерес представляет модернизация чукотского оленеводства, поскольку в нем, как мы считаем, в наиболее концентрированном виде выражены процессы, происходившие в конце XX – начале XXI в. Фактический материал, отраженный в архивных документах, научных публикациях и медиаисточниках, а также полевые исследования автора в сфере оленеводства Магаданской области, в которой шли аналогичные сдвиги, дают основание произвести теоретическое обобщение первичного уровня и характеризовать современное оленеводство как неотрадиционное природопользование. В статье речь пойдет как об экономических, так и о социальных аспектах трансформации.

Цель исследования является двоякой: в задачи автора входит как выявление причин краха

олeneводства в 1990-х гг. и последующей стагнации отрасли с 2010-х гг. на Чукотке, так и более глубокий анализ особенностей палеоазиатского (чукотско-корякского) оленеводства в историческом разрезе. Мы полагаем, что трансформации, наблюдаемые в оленеводстве Крайнего Северо-Востока в новейшее время и ярче всего выраженные именно на Чукотке, являются следствием образа жизни и условий природопользования, заложенных в глубоком прошлом. Исходя из этого исследование проведено в русле концепций историзма и неотрадиционализма. Принцип историзма подразумевает анализ явлений в связи с конкретно-историческими условиями их становления и контекстом существования, постулирует преемственность в характере их изменения (Корнев, 2023).

Методология неотрадиционализма в этнографической литературе используется достаточно широко и в общем случае обозначает традицию, адаптированную к современным условиям (Неотрадиционализм..., 2019), «...качественное состояние традиционной этнической культуры в современных условиях, продукт взаимодействия и взаимопроникновения <...> внутренних и внешних условий развития этнокультур» (Поп-

ков, 2023. С. 203). В то же время любая традиция, проявленная в современности, не может быть изолированной от социально-экономических реалий. Поэтому специфика этнокультурного неотрадиционализма и неотрадиций локализуется различными авторами в определенных характеристиках. В постперестроечные десятилетия преобладала конструктивистская и инструменталистская интерпретации неотрадиционализма, сторонники которой в трансформации традиций видят прежде всего результат сознательных действий со стороны этнических лидеров и активистов, целью при этом является формирование и поддержание этнической идентичности, сплоченности, получение особых предпочтений (Неотрадиционализм..., 2019. С. 6; Шелегина, 2014. С. 274).

В последнее время наблюдается определенный отход от конструктивистских концепций и поиск других трактовок этнокультурной динамики. В частности, в русле социокультурной интерпретации неотрадиционализм представлен «как духовно-практическое движение, актуализирующее потенциал традиционной культуры этноса на всех ее уровнях – от культурного ландшафта и хозяйственно-бытовой культуры до политико-правовой и духовной культуры» (Попков, Тюгашев, 2013. С. 44). Дальнейшим развитием стала рефлексивно-интеграционная концепция неотрадиционализма, понимаемая как «духовно-практическое явление», «продукт взаимодействия и взаимопроникновения (рефлексии) внутренних и внешних условий развития этнокультур в синхронно-диахронном (пространственно-временном) измерении» (Попков, 2023. С. 203).

Однако данные признаки, по нашему мнению, являются довольно расплывчатыми, им не хватает конкретики, что позволяет подвести под данное определение многие этноориентированные практики. В нашем исследовании мы подчеркиваем прежде всего связь между неотрадиционализмом и государственным патернализмом в сфере этнического природопользования. Мы опираемся на положение, что такие сложные и укорененные этнообразующие явления, как оленеводство, исторически базировались на вовлеченности и усилиях преобладающей части этнического сообщества. Массовая вовлеченность служила залогом устойчивости и преемственности сопутствующего образа жизни и связанных с ним традиций. В новейшее время основополагающие звенья традиционного природопользования неизбежно выпадают, что ставит под угрозу исчезновения многие этнокультурные сегменты. Политика государственного патернализма, под-

держивающая чукотское оленеводство, является обязательным условием его современного существования, что мы покажем ниже. В этой связи мы интерпретируем неотрадицию как исторически укорененное, но трансформированное этнокультурное явление, функционирование которого в современных условиях обеспечивается значительными усилиями со стороны государственных структур вмещающего сообщества. Таким образом, мы выводим из тени то обстоятельство, что оленеводство сейчас существует не в естественном и аутентичном, а в компенсационном состоянии, и данная компенсация со стороны государства является важнейшей чертой неотрадиции.

РАЗВИТИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА НА ЧУКОТКЕ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

По экономическим показателям чукотское оленеводство в позднесоветский период представляло собой убыточную отрасль, т. к. существовала системная проблема снижения рентабельности при постоянном увеличении затрат. Основная причина заключалась в модели развития северного оленеводства, предполагавшей постоянное увеличение поголовья, приводившее к непрерывному возрастанию и затрат, и непроизводительных отходов. Курс на постоянное наращивание поголовья ценой высоких материальных и социальных издержек шел вразрез со сложившейся тенденцией отхода коренного населения от преимущественно аграрной занятости (Хаховская, 2011. С. 112). Снижение экономической эффективности и численности оленепоголовья на Чукотке началось на рубеже конца 1960-х – начала 1970-х гг. Вместе с тем на начало 1989 г. оленеводство продолжало оставаться основной традиционной отраслью Чукотки. В ней в составе 198 бригад было занято почти 2,5 тыс. оленеводов, выпасавших 486,0 тыс. голов [Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-22. Оп. 22. Д. 1. Л. 35].

Облик оленеводческой культуры Чукотки сильно трансформировался как в технико-технологическом, так и в социальном плане: на смену образу жизни, разделяемому основной частью коренного населения, пришла ставшая делом только части аборигенов специализированная профессия. Вместе с тем позднесоветский период показал, что оленеводческая отрасль на Крайнем Северо-Востоке с трудом поддается модернизации с помощью технических средств. В это время в оленеводческих хозяйствах имелось немало техники. Но транспорт помогал оленеводам главным образом при перекочевках, па-

стущество же оставалось трудозатратным, требовавшим от людей сверхусилий.

Однако перестроечная политика гласности и педалированная нацеленность на избощение пороков социалистического строя привела к тому, что в качестве выхода стала рассматриваться частная форма хозяйствования и свободная конкуренция, возвращение к традиционному укладу этнического природопользования. Такие настроения получили хождения и среди оленеводов. В то же время оленеводы, как и другие жители страны, желали сохранения социальных гарантий, которые обеспечивались социалистическим строем во многом на основе солидарной финансовой системы, предусматривавшей перераспределение средств в пользу более слабых.

В начале 1990-х гг. произошло внедрение рыночных отношений в аграрную сферу и реформирование сельскохозяйственных предприятий. В течение 1990-х гг. крупнейшие оленеводческие хозяйства сначала распались на мелкие крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ), а затем многие из них и вовсе исчезли (Клоков, 2023. С. 104; Коломиец, Нувано, 2024. С. 170). Так, в Билибинском районе на базе 5 оленеводческих совхозов было создано 21 предприятие разных форм собственности; крупнейший совхоз «Канчаланский» распался на 13 фермерских хозяйств. В 1992–1993 гг. на базе 28 совхозов на Чукотке было создано 51 фермерское оленеводческое хозяйство, в основном в Билибинском и Анадырском районах. При этом сохранялось некоторое количество не до конца реформированных хозяйств, представлявших собой осколки прежних государственных структур (Тураев, 2017. С. 199–200).

Процесс приватизации оленьих стад и попытка частного хозяйствования сопровождались резким сокращением поголовья домашних оленей на Чукотке (Энергия..., 2020. С. 55). В значительной мере это связано с прекращением централизованной финансовой, инфраструктурной и логистической поддержки. Исследователями показано, что успешная работа оленеводческих совхозов базировалась на государственных дотациях. В позднесоветское время закупочная цена на оленину в 10–15 раз превышала цену ее реализации: государство платило совхозам за килограмм оленьего мяса до 25 руб., в то время как продавали ее по 1.9 руб. (Тураев, 2017. С. 196). Кроме того, очень быстро была разрушена созданная в советское время система заготовки и сбыта продукции, доставки товаров в тундру, а самостоятельно выстроить логистические цепочки мелким хозяйствам было сложно. Продукция оленеводства не находила спроса из-за дороговизны, поскольку она не могла конкурировать с

импортным мясом. В течение ряда лет оленеводы не получали заработную плату, пастухи уходили из тундры, к 2000 г. численность оленеводов снизилась до 966 чел. (Коломиец, Нувано, 2024. С. 170).

Следует отметить, что обеспечивающая роль государства в функционировании чукотского оленеводства на местах воспринималась настолько естественно, что стала неотъемлемым социально-экономическим фоном этнического природопользования в его советском варианте. В этом смысле представляется возможным говорить о том, что данное условие деятельности оленеводов из инновации первоначального советского периода трансформировалось в привычный и необходимый уклад, т. е. стало своего рода модернизированной традицией, или неотрадицией, о чем речь пойдет ниже. Действительно, исследователи описывают глубокий шок, который испытали чукотские пастухи, когда государство перестало выплачивать зарплаты и прекратились регулярные поставки товаров в тундру (Gray, Stammler, 2002. Р. 58). Как пишет один из видных этнографов-североведов, «в совхозе бригадир мог поднять скандал по поводу того, что ему завезли не тот компот, который он заказывал. Теперь обо всем приходилось заботиться самим» (Тураев, 2017. С. 201). Основным средством содержать хозяйство, семьи и родственников стал нерегулируемый забой оленей для питания и продажи.

Исследователи полагают, что оленеводы Крайнего Северо-Востока не сумели перестроиться на рыночные отношения, в отличие, например, от кочевников Ямала (Энергия..., 2020. С. 85), о причинах этого мы скажем ниже. Во второй половине 1990-х гг. в регионе начался обратный процесс объединения и национализации уцелевших частных оленеводческих хозяйств, что привело к восстановлению государственных структур в форме муниципальных унитарных предприятий (МУП) (Тураев, 2017. С. 204; Клоков, 2023. С. 106). Но негативные тенденции обрушения отрасли удалось преодолеть далеко не сразу. Численность домашних оленей Чукотки на начало 1995 г. составляла 235.5 тыс., на начало 1999 г. – 113.0 тыс. голов. Новая волна реформирования оленеводства стала давать результаты к началу 2000-х гг. На начало 2001 г. на Чукотке имелось 90 бригад, в которых работали около 1000 пастухов, выпасая, по разным данным, от 94.7 до 118.0 тыс. оленей (Полежаев, Тогошиев, 2008. С. 149; Коломиец, Нувано, 2024. С. 170). В дальнейшем оленеводство развивалось только в рамках государственных предприятий, сохранившиеся личные животные выпасались вместе с муниципальными.

Отмечено, что на Чукотке «после депрессии в начале 2000-х годов началось довольно успешное восстановление оленеводства» (Энергия..., 2020. С. 64). Для поддержки аграрного сектора, в первую очередь оленеводства, который, как и в советское время, органы власти считали основой этноориентированного образа жизни и социального благополучия значительной части населения Чукотки, в 2001 г. в регионе принимается краткосрочная (годовая) переходная программа объемом в 7 млн руб., направленная на финансирование отдельных мероприятий в сфере оленеводства (организация радиосвязи; отстрел волков; вертолетные рейсы в тундру; покупка инвентаря и горючего; организация семинаров и совещаний). В дальнейшем эта программа пролонгируется, ее целью было количественное наращивание поголовья, и эта цель была достигнута – численность поголовья на начало 2005 г. составила 148.7 тыс. оленей (Полежаев, Тогошиев, 2008. С. 149). До 2006 г. в округе действовал мораторий на промышленный забой оленей.

В 2006 г. принимается решение о смене стратегии в сторону оптимизации структуры оленепоголовья, которая должна достигаться выбраковкой старых, больных и низкопродуктивных животных. Прежний запрет на забой был введен именно для достижения роста поголовья, что отчасти повторяло стратегию советской плановой экономики на постоянный рост показателей, которая неизбежно приводила к «засорению» стада. Сильной мотивацией для такой стратегии стали выплаты из федерального бюджета за каждого сохраненного на конец года оленя государственной собственности. Во второй половине 2000-х гг. эти выплаты составляли 110 руб. за голову (Тураев, 2017. С. 204), в дальнейшем они постоянно росли. Этот период в истории чукотского оленеводства ознаменовался определенным управленческим оптимизмом: если раньше признавалось, что «олeneводство больше воссоздается для сохранения традиционного образа жизни коренных народов» (Оленеводство...), то теперь от него ожидали товарного производства мяса и экономической рентабельности. Для этого вблизи г. Анадырь, в пос. Канчалан в 2007 г. был построен забойный пункт, оснащенный высокотехнологичным оборудованием. В этом году было произведено 23.5 тыс. ц оленьего мяса, потребители которого находились в основном в окружном центре.

На начало 2008 г. в оленеводческой отрасли Чукотки насчитывалось 16 предприятий, 67 бригад, в них трудились 915 чел. (630 пастухов и 285 чумработниц), выпасая до 189.2 тыс. оленей. В 2010-х гг. была разработана и постоянно продлевается региональная целевая программа «Госу-

дарственная поддержка сельскохозяйственного производства Чукотского автономного округа». Финансирование программы формируется за счет окружного и федерального бюджетов.

На начало 2010 г. в хозяйствах округа имелось 195.4 тыс. оленей (Коломиец, Нувано, 2024. С. 170), что оказалось пиком численности. Производство оленьего мяса достигло максимума в 2011 г., при этом составляя 20 % от уровня 1990 г. (Энергия..., 2020. С. 64). В 2010–2012 гг. общий объем направленных в отрасль государственных средств превысил 1.45 млрд руб., в 2012 г. среднемесячная зарплата оленевода на Чукотке в среднем выросла на 25 %, до 18.8 тыс. руб. В этот период оленеводческий сектор округа был представлен 16 муниципальными предприятиями, в которых трудились 830 оленеводов (Дмитракова).

Подъем 2000-х – первой половины 2010-х гг. в чукотском оленеводстве сменился стагнацией. Уже в начале 2015 г. и руководящие работники, и этнические лидеры признавали: «Не надо закрывать глаза на то, что отрасль находится в кризисе. Потери в стадах серьезные, в результате численность поголовья значительно сократилась. <...> И нам всем вместе нужно думать, как выходить из кризисной ситуации, как избегать в дальнейшем таких потерь, чтобы отрасль перестала быть убыточной для округа» (Круглый стол...). На 01.01.2019 насчитывалось, по разным данным, от 142.0 до 157.0 тыс. оленей, на 01.01.2022 – от 123.0 до 124.5 тыс. (Энергия..., 2020. С. 57, 64; Коломиец, Нувано, 2024. С. 170; Депсельхоз...).

Отмеченная многими исследователями тенденция современного не столь резкого, но устойчивого снижения численности оленей после некоторого его увеличения связана, во-первых, с сильной зависимостью отрасли от государственной политики; во-вторых, с общими экономическими и социальными процессами, происходящими в регионе. В 2000-х гг. на фоне общей неблагоприятной обстановки в регионе те средства и условия, которые предоставляла работа в оленеводстве, были достаточно привлекательными для пастухов и их семей по сравнению с поселками, где было трудно найти работу и жилье. Такое же положение мы отмечали для оленеводства Магаданской области (Хаховская, 2007. С. 82). Однако по мере того, как в стационарных поселениях жизнь улучшалась, люди, особенно молодые, стремились уйти из тундры. Вновь встают вопросы нехватки кадров, неудовлетворенности условиями труда, падения дисциплины и прочие дестабилизирующие явления.

Современное оленеводство на Чукотке исследователи рассматривают как государственный аграрный сектор в составе 17 предприятий (из

них 14 МУП и 3 КФХ). На начало 2023 г. в тундре трудились 602 оленевода в 68 бригадах, они выпасали 123.1 тыс. оленей (Депсельхоз...), т. е. произошел откат до уровня начала 2000-х гг. Численность пастухов ежегодно сокращается в среднем на 2 %, т. к. опытные люди уходят на пенсию, переходят на более высокооплачиваемую работу, а молодежь, как и много лет назад, в профессию идет неохотно (Коломиец, Нувано, 2024. С. 170). Как и прежде, молодых людей привлекает современный образ жизни и технические достижения, что вызывает недоумение и обиду у старшего поколения: «...не хотят идти работать в стадо из-за кочевого быта. Как звучит, а? Чукча недоволен кочевым бытом. В тундре нет интернета! Конечно, так, как жили наши старики, современная молодежь жить уже не будет. Вернуться полностью к традиционному нельзя. Вот и приходится подстраиваться под молодых: закупать электрогенераторы» (Энергия..., 2020. С. 33).

Объем государственного финансирования отрасли постоянно растет. В 2022 г. оленеводы получили поддержку в размере 1.2 млрд руб., средняя зарплата оленеводов составила 69.7 тыс. руб. (Коломиец, Нувано, 2024. С. 170). Таким образом, в настоящее время в оленеводство направляется почти в 3 раза больше средств, чем в начале 2010-х гг., а заработная плата увеличилась более чем в 3.5 раза. В 2024 г. оленеводам в очередной раз повысили заработную плату – теперь она составляет не менее 100 тыс. руб. При этом на начало 2024 г. численность оленей на Чукотке снизилась до 110.7 тыс., в тундре осталось 574 оленевода (Как интегрировать...; Годы летят...).

Все эти тенденции, по нашему мнению, повторяют модернизационные процессы, происходившие в позднесоветское время, накануне перестройки и в ее ходе. Основная параллель состоит в том, что приоритетной для государственной поддержки оленеводства становится его социальная, а не экономическая роль, именно поэтому в наше время на Чукотке разворачивается тот же сценарий, что и в советское время, хотя и в меньшем масштабе. Он является результатом действия необратимого механизма раскручивающейся спирали постоянного увеличения бюджетных затрат, идущих на механизацию, обустройство тундры, повышение зарплат. Эту спираль так же неизбежно тормозит предел роста цены на оленье мясо и нехватка кадров, что приводит к кризисной ситуации, которая разрешается либо стремительной катастрофой, как в послесоветский период, либо медленной стагнацией, что наблюдается в настоящее время. Можно констатировать, что сейчас идет второй цикл трансформации чукотского оленеводства, лежащий в тренде от частного хозяйствования к государственному

контролю, который содержит все те же противоречия.

Действительно, намерения достичь рентабельности чукотского оленеводства, которые во второй половине 2000-х гг. считались достаточно реалистичными, в настоящее время воспринимаются далеко не с таким оптимизмом: «Чукотское оленеводство с экономической точки зрения – доменная печь, которую неустанно топят дензнаками. Ежегодно в домну закидывают миллиард рублей... Сегодня оленеводство – чёрная дыра экономики Чукотки. Без колоссальных дотаций от государства большая часть муниципальных сельхозпредприятий, современная реинкарнация колхозов, давно разорились [бы]» (Басов). По-видимому, в наше время чукотское оленеводство не может обвалиться столь же драматично, как в постперестроечный период, но весьма высока вероятность, что будет постепенно угасать.

В частности, это видно на примере одного из КФХ восточной Чукотки, которое постоянно теряет оленей, закупленных на бюджетные средства, при этом оленеводы этого хозяйства, несмотря на форму собственности, находятся на государственном обеспечении: «Владелец хозяйства [в 2017 году] получил грант, на который в соседнем МУПе было закуплено 600 голов оленей. Через год все они были растеряны, убиты браконьерами или съедены волками. На следующий год были выделены дополнительные средства и закуплены еще 300 голов в другом МУПе. К зиме оленей осталось около 200 голов. Владелец КФХ и несколько его помощников получают заработную плату на постоянной основе. Ему оказывается постоянная поддержка из профильного департамента правительства Чукотки, с которым он всегда на связи. Эксперимент продолжается, несмотря на большие затраты» (Энергия..., 2020. С. 84).

СОВРЕМЕННОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО ЧУКОТКИ КАК НЕОТРАДИЦИЯ

Рассмотренные исторические процессы новейшего времени дают основание говорить о двух основных моментах. Во-первых, восстановление бюджетного обеспечения в сфере труда и быта означает, что чукотские оленеводческие практики в наши дни представляют собой необратимо модернизированное природопользование, в котором неотъемлемым составным компонентом является внешняя поддержка. Такой способ хозяйствования, в равной мере основанный на исторической преемственности традиционного уклада коренных этносов и современных возможностях гораздо более широкого сообщества, его институтов и государства в целом, позволя-

ет говорить о неотрадиционном содержании современного оленеводства на Чукотке. Исторически чукотское оленеводство формировалось как коллективное, массовое движение, захватившее этнос в целом, определившее традиционный образ жизни и механизм этнической преемственности. В наши дни оно, безусловно, не имеет столь массового вовлечения всех носителей чукотской идентичности, однако является наиболее важным и ярким ее компонентом.

Во-вторых, отсутствие прямой зависимости объема бюджетной поддержки от экономических результатов в сфере оленеводства говорит о том, что государство готово и впредь финансировать этническое природопользование в силу его большой социальной, культурной и исторической значимости для региона. В этом случае характер чукотского оленеводства будет всё более смещаться от основного жизнеобеспечивающего уклада (как это было в традиционный период) и экономически значимого аграрного сектора (советский период) к отрасли, представляющей собой определенный этносоциальный артефакт, который воплощает образ жизни, из всех современных этноориентированных практик максимально приближенный к (нео)традиции. Важным является и то обстоятельство, что оленеводство служит источником идентичности и для тех, кто до сих пор трудится в тундре, и для тех, кто связан с оленями лишь опосредованно. Кроме того, и в оленеводческих коллективах, и в целом в этнической среде поддерживается особое отличительное мировосприятие, касающееся иррациональных, трансцендентных аспектов, с помощью которых люди усматривают жизненный смысл и находят мотивацию к деятельности в современных условиях: «По словам оленеводов, они не боятся никаких технических нововведений, так как их духи-хозяева были сильнее коммунистов, помогут пережить и демократов, либералов и любые другие ответвления власти» (Энергия..., 2020. С. 35).

При этом традиционные элементы кочевой культуры, выраженные в обрядах и ритуалах, сохраняются преимущественно в тех оленеводческих коллективах, которые имеют сложное социодемографическое устройство. В их состав входят, во-первых, возрастные оленеводы, заставшие советский, но еще слабо модернизированный уклад. Во-вторых, в них преобладают полные семьи, а не одинокие пастухи, т. е. имеется достаточное число женщин, которые помнят и могут выполнить ритуалы (Коломиец, Нувано, 2024. С. 172). В целом, в оленеводческой среде существует выраженный запрос на приток в тундру женщин, потому что первичный жилищный и бытовой комфорт не может обеспечить ни вы-

сокая зарплата, ни технологии, здесь необходим каждодневный рутинный труд, воспринимавшийся как совершенно естественный в традиционной жизни, но ставший огромной проблемой в современных условиях: «Резко сократилось количество женщин в оленеводческих бригадах. А это и пошив одежды, и ведение хозяйства в ярангах и т. д. Для того чтобы жизнь в тундре продолжалась, там должны быть семьи – мужья и жёны» (Круглый стол...); «...при нынешних условиях, когда в большинстве оленеводческих бригад не осталось квалифицированных чумработниц, женщин, которые могли бы обеспечить минимальные условия для жизни, условия труда оленеводов во много раз ухудшились» (Коломиец, Нувано, 2024. С. 174).

Можно говорить о том, что при отсутствии идеологического влияния социалистической системы в чукотском оленеводстве стал приветствоваться тот авторитарный уклад, который поддерживал традиционное природопользование в досоветское время. Большая нагрузка в нем ложилась на молодежь и подростков мужского пола, а также женщин, и именно эти гендерно-демографические группы теперь «ускользают» из оленеводства: «Надо вернуть в тундру молодежь, приучить ее к древнему труду предков» (Дьячков, 1989. С. 2).

В этой связи очень важным является вопрос о социальной базе этнического природопользования в сфере оленеводства. Исследователи зачастую делают упор на авторитаризме советской власти, которая не давала ходу частной инициативе, что, по их мнению, и стало причиной «нерыночности» чукотского оленеводства уже на современном этапе и, соответственно, резкого падения численности животных: «На Чукотке за годы советской власти сложился жесткий авторитарный стиль руководства <...>, в результате многолетних усилий здесь была создана почти идеально работавшая в условиях планового хозяйства модель хорошо отлаженного оленеводческого хозяйства. И оленеводы оказались “заложниками краха” этой системы» (Энергия, 2020. С. 67–68); «...советское правительство очень быстро и жестко» осуществило «перевод на оседлость чукотских кочевников, по сути разрушив традиционный уклад оленеводства <...> в ходе коллективизации», в результате чего постперестроечный «коллапс был неизбежен, но удивителен силой и быстротой обвала поголовья» (Пиласов и др., 2017. С. 118). В действительности коллективизация оленеводов Чукотки прошла не «очень быстро», а продолжалась более двух десятилетий, она отмечена периодами как форсированной, так и более мягкой политики. Однако главное заключается в том, что разрушенный со-

ветской властью традиционный уклад оленеводства базировался именно на жестком социальном принуждении, осуществляемом на уровне микроколлективов (стойбищ).

Сторонники данной точки зрения упускают из виду, что частное оленеводство в виде свободного фермерства (как это, до известной степени условности, практикуют ненцы-олeneводы) не смогло прижиться на Чукотке в силу более глубоких исторических и этнокультурных факторов. Авторитарная и жесткая модель властных взаимоотношений в чукотском оленеводстве – это его неотъемлемое свойство, «родовая травма», свойственная этой системе природопользования с самого начала ее становления. Действительно, крупностадное чукотское оленеводство формировалось в условиях жестоких столкновений с коряками, в ходе которых чукчи угоняли у последних оленей до тех пор, пока не произошло «насыщение» их пастбищ. Захват стад сопровождался пленением корякских женщин, детей и подростков, при этом дети мужского пола становились пастухами (Хаховская, 2016. С. 89–90). На определенном этапе этнической истории у чукчей существовал институт патриархального рабства (История Чукотки..., 1989. С. 77), который также способствовал складыванию жесткой иерархической системы в среде оленных чукчей.

Качественное различие традиционной и советской модели функционирования чукотского оленеводства состоит в локализации и распределении принуждающих отношений и рычагов власти. Если в традиционном хозяйстве подобные отношения локализовались исключительно внутри микроколлективов чукотских оленеводов – стойбищ, то в советское время властные отношения были существенно перестроены и усложнены. «Плечо» управления оленеводческой отраслью стало несравнимо более длинным: ею занимались на сельском, районном, окружном, областном, республиканском и союзном уровнях, не считая самих первичных коллективов – бригад. Коренным образом изменился социальный облик коллективов, теперь это были равные друг другу в имущественном отношении оленеводы, хотя, разумеется, существовала некоторая разница и в оплате труда, и в количестве личных оленей. Самое же основное, оленеводы не были связаны «круговой порукой» выживания за счет совместно окармливаемого стада, основная часть животных в котором принадлежала хозяину стойбища. И олени теперь стали государственной собственностью, и свобода выбора в жизни неизмеримо расширилась.

Поэтому принуждающее давление внутри коллективов пастухов, во-первых, в значительной мере ослабло, поскольку оно было перенесе-

но на ряд других ступеней и структур; во-вторых, изменилась его природа, поскольку пастухи отвечали не персонально перед конкретным хозяином основного стада, а коллективно перед коллективным же лицом советской власти. В силу этого в действительности советский период для чукотских кочевников стал временем «освобождения труда», снятия непосредственного давления и социального принуждения на «земле» и перенесения его на более разветвленную и многоуровневую социальную «архитектуру». Таким образом, авторитарная модель властных отношений в чукотском оленеводстве возникла не в советское время, как это подчеркивают некоторые исследователи (Энергия..., 2020. С. 82; Пилясов и др., 2017. С. 118). В то же время несомненно, что плановая советская экономика не разрушила, а поддержала авторитарные методы дисциплинирования оленеводов, при этом существенным образом их переформатировала, ослабив низовое давление на пастухов.

Не случайно сохранение оленеводства на Чукотке в настоящее время связывается не с частной инициативой, а с государственной поддержкой. Хотя «...чукотское оленеводство снова, как до наступления коллективизации, <...> сконцентрировалось в “товарной” зоне арктических тундр» (Пилясов и др., 2017. С. 118), но существовать оно может только в той институциональной форме, которая очень близка советским совхозам и характеризуется постоянной внешней финансовой, инфраструктурной и логистической поддержкой; сочетанием в стаде государственных (муниципальных) и личных животных при преобладании первых; сочетанием бригадного и семейного принципа формирования «стойбищных» коллективов. Ни одно частное хозяйство на Чукотке не выжило, в том числе по причине социального характера: прежние, советские рычаги дисциплинирования в бригадах уже не работали, а другого механизма мотивации пастухов постоянно «держат стадо» не было выработано. Вследствие этого состоялось возвращение к советской модели управления, но в несколько трансформированной, менее авторитарной форме.

Как и в советское время, органы власти контролируют основные производственные показатели бригад, проводят обязательные мероприятия, включая корализацию и забой. В то же время администрация уже не диктует жесткие правила и режимы выпаса, оставляя их на усмотрение самих пастухов. В настоящее время чукотские пастбища по-прежнему разделены на бригадные «круги кочевий», площадь такого круга составляет около 5–6 тыс. км², радиус 40–60 км. Годичный цикл миграций оленеводов представляет со-

бой движение по этому кругу. Однако если при традиционном выпасе пастухи в большей степени руководствовались интересами оленей, то теперь на первый план вышли интересы пастухов, их желание жить и работать в более комфортных условиях, совпавшее с появлением новых вещей и технологий, в том числе с произошедшей в тундре «снегоходной революцией». Впервые в истории чукотского оленеводства технологии подвергся сам выпас, а не сопутствующее ему производственное кочевание, что повлекло за собой существенные изменения в способе взаимодействия людей с оленями. В тундровый быт вошла техника малых форм и повышенных скоростей – снегоходы и квадроциклы, изменившие способ передвижения пастуха. Раньше пастух надеялся только на себя, на свою выносливость в ходьбе и беге, и в этом смысле не только не находился в паритетных отношениях с оленем, но и значительно уступал ему, а теперь человек получил значительное преимущество (Хаховская, 2019. С. 103).

Молодое поколение пастухов предпочитает собирать стадо и искать откочы с помощью техники, а не пешком. Более того, чукотские оленеводы выработали модель механизированного выпаса оленей с помощью вездеходов. Если в советское время вездеходы применяли только для перекочетов, то сейчас на них наблюдают за оленями. При этом механического «пастуха» сочетают с живым – появился прием под названием «засобачить», т. е. вернуть откол с помощью оленегонной собаки. Для этого с догоняющего вездехода сбрасывают оленегонную собаку, следом прыгает пастух, который дает команду собаке повернуть оленей в нужном направлении. Такая поведенческая модель позволяет пасти достаточно вольно, т. к. отсутствие постоянного окарауливания компенсируется быстрыми способами реагирования (Хаховская, 2019. С. 104). Практически сошло на нет традиционное упряжное оленеводство. Современные оленеводы Чукотки подчеркивают, что для обучения ездовых оленей необходимо затратить много усилий, при том, что передвижение на нартах «на Чукотке составляет всего один процент от других видов транспорта: авиации, вездеходов и снегоходов» (Энергия..., 2020. С. 33).

В современном чукотском пастушестве наблюдается частичное восстановление прежних, традиционных практик. В частности, чукчи стараются не досаждать оленям излишней опекой и часто просто следуют за стадом. Пастухи так описывают свои действия: «Наше дело – тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении» (Головнёв, 2015. С. 13). Как и прежде, летом допускается вольный вы-

пас, когда стадо навешают лишь время от времени, а собирают осенью. В то же время возврат к прежним протяженным радиальным маршрутам не произошло, что обусловлено бригадным принципом организации природопользования в муниципальных предприятиях и преемственностью в части регулируемого землепользования.

В целом можно отметить, что коренного преобразования устоявшегося способа выпаса не произошло ни в советский период, ни в постсоветское время. Такое положение обусловлено тем, что структура чукотского стада унаследована от традиционного уклада – животные всех половозрастных групп содержатся вместе. В свое время, в середине 1950-х гг., среди советских, партийных и хозяйственных руководителей Чукотки высказывались предложения о переформатировании выпаса путем глубокой специализации оленьих стад [ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 620. Л. 62, 64, 65], однако по ряду причин они не могли быть воплощены в жизнь.

При этом в советское время появилась, а на современном этапе восстановилась инновация (одна из составляющих неотрадиции) содержать в каждом общественном стаде некоторое количество животных, принадлежащих лично пастухам и их родственникам. За годы коллективизации доля личных оленей в общем поголовье Чукотки снизилась до 5 %, тогда как, например, на Ямале она не опускалась ниже 30 % (Gray, Stammler, 2002. Р. 59). Здесь действовали различные факторы, в том числе социальный – большое количество личных оленей в чукотском стаде неизбежно воспроизводило отношения «хозяин–батрак», что не только шло вразрез с политикой власти, но и в рамках развитой советской системы уже вызывало возражение у той части пастухов, которая обладала скромным числом животных. Советская власть пыталась компенсировать данный перекокс взиманием платы за выпас, но это ударило по семейному бюджету всех собственников. Существовала также практика возмещать потери общественного стада за счет индивидуального. Резкое обезоленение колхозников вызывало обеспокоенность органов власти, поэтому к концу 1950-х гг. на Чукотке было запрещено изъятие личных животных в счет потерь, отменена плата за их выпас. Напротив, в качестве дополнительного поощрения за высокие показатели колхозникам стали выдавать оленей в личную собственность ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 762. Л. 26; Д. 905. Л. 74–75]. Однако какого-либо существенного увеличения доли личных животных не произошло.

По нашему мнению, этому препятствовало влияние совхозной формы природопользования

в чукотском оленеводстве, которая изначально, в 1920–1930-х гг., строилась на базе закупки оленей и найма рабочих-пастухов в опытно-экспериментальные (совхоз «Снежное») или подсобно-снабжение (совхозы «Певек», «Омолон») предприятия. Такие пастухи рекрутировались именно из среды малоимущих или безоленных жителей тундры, однако их преимущество строилось на регулярном получении достаточно высокой заработной платы и улучшенном снабжении. В конце 1960-х гг. совхозная модель была распространена на всю Чукотку. Она усилила влияние государства на все производственные и бытовые процессы, но при этом настолько существенно улучшила их материальное положение, что необходимость содержать значительное число оленей в личной собственности отпала.

В постперестроечные годы доля личных оленей на Чукотке вначале резко выросла, а затем уменьшилась: если на начало 1995 г. они составляли почти четверть от общего поголовья, в 2003 г. немногим более 15 %, то с 2006 г. этот показатель стабилизировался на уровне 3–3.5%* (Тишков и др., 2016. С. 179; Тураев, 2017. С. 207). Отмечаются колебания абсолютного количества личных оленей: увеличение их числа связано с премированием пастухов телятами текущего года за трудовые успехи, уменьшение – с возмещением потерь в общественном стаде. Очевидно, что эти действия копируют советскую систему (Коломиец, Нувано, 2024. С. 170–171).

Контроль за личными оленями пастухов и их родственников со стороны администрации сохраняется (Энергия..., 2020. С. 82), поскольку, как и в советское время, личное и общественное стада на Чукотке являются «сообщающимися сосудами», в силу чего возможно движение в обоих направлениях: с одной стороны, как отмечено, за счет личных животных порой возмещаются производственные потери; с другой – оленеводы также имеют возможность использовать муниципальных оленей в собственных интересах, забивая последних для питания или продажи: «...частники <...> снегоходами везут оленину из тундры. Официально это дикарь (дикий северный олень), по факту, сколько там действительно дикаря, а сколько оленей из оленеводческих хозяйств, никто не знает. Но из бригад везут» (Басов); «Само расположение села Канчалан близ Анадыря приводит к тому, что незаконно, без разрешения директора, пастухи производят забой и продают мясо на сторону. <...> Сегодня

у всех есть телефоны. Звонят в Анадырь, так и происходит продажа мяса. Все об этом знают, но сделать ничего не могут» (Круглый стол...).

Последние годы, по-видимому, ознаменуются усилением государственного контроля в сфере оленеводства именно в аспекте социального и производственного дисциплинирования коллективов оленеводов со стороны управляющих органов: «Условия труда одинаковые, господдержка одинаковая, материальная база одинаковая, но разные результаты. Поэтому к причинам упадка оленеводства можно добавить и человеческий фактор – есть недоработки как по организации работ, так и по исполнению обязанностей на местах. <...> Средства решения <...> – определить и закрепить приказами административно-управленческий персонал за каждой бригадой. <...> Представители АУП должны быть и в центральной усадьбе, и на поле работы в сезонные мероприятия – отёл, гон, корализация и т. д.» (Годы летят...).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историческом плане эволюция природопользования в сфере оленеводства на Чукотке в новейшее время прошла два полных цикла трансформации. Первый заключался в переходе от традиционного уклада, контролируемого этническим и экологическим факторами, к модернизированному способу хозяйствования, сформированному под влиянием советских социально-экономических преобразований. Во втором цикле после краткого периода попытки возвратиться к частной собственности и природопользованию, основанному на первоначальной традиции, произошло возобновление государственного патернализма. В каждом из этих циклов стратегия и практика развития оленеводства определялась общегосударственной политикой (или в сильной степени зависела от нее). В настоящее время оленеводство Чукотки, как и Крайнего Северо-Востока в целом, функционирует вне рамок рыночной экономики, т. е. является дотационным и убыточным. Вместе с тем усилия государственных органов направлены на сохранение отрасли как базы для привычного образа жизни тех коренных жителей, которые хотят трудиться в тундре (Тураев, 2017. С. 212–213). Этот способ ведения оленеводства основан на устойчивых практиках, сформированных в рамках традиционного природопользования, однако он сочетается с внешней поддержкой государства и в настоящее время невозможен без нее. Таким образом, можно говорить о том, что усилия вмещающего сообщества компенсировали значительную часть прежде аутентичных экономических и

* На Ямале около 70 % оленепоголовья находится в частной собственности (Gray, Stammier, 2002. P. 59).

социальных ресурсов. В этой связи современное чукотское оленеводство представляет собой неотрадиционное явление.

ЛИТЕРАТУРА

- Басов Е. Чукотское оленеводство: чёрная дыра экономики. Живой журнал. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/tag/олeneводьы> (дата обращения 11.07.2024).
- Годы летят, олени тают... // Крайний север. URL: <https://www.ks87.ru/ehkonomika/28/17203> (дата обращения 09.07.2024).
- Головинёв А. В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 6–16.
- Депсельхоз: Оленеводы Чукотки работают на пределе возможностей. Чукотка. URL: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/depselkhoz_olenevody_chukotki_rabotayut_na_predele_vozmozhnostey/ (дата обращения 14.06.2024).
- Дмитракова Т. Заработная плата оленеводов Чукотки увеличена на четверть // Российская газета. 12.01.2012. URL: <https://rg.ru/2012/01/12/reg-dfo/olenevodi-anons.html> (дата обращения 08.07.2024).
- Дьячков Г. Как стать оленеводом? Размышления старого тундровика об утраченных традициях древнего ремесла // Советская Чукотка. 1989. № 153. С. 2.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней. Москва: Мысль, 1989. 492 с.
- Как интегрировать оленеводство в современную экономику. Восточный центр государственного планирования. URL: <https://vostokgosplan.ru/kak-integriruvat-tradicionnoe-olenevodstvo-v-sovremennuju-jekonomiku/> (дата обращения 09.07.2024).
- Клоков К. Б. Оленеводческие ландшафты России: ландшафтное районирование и траектории эволюции оленеводческого хозяйства в конце XX – начале XXI столетия // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 96–112. DOI: 10.17223/2312461X/41/6.
- Коломиец О. П., Нувано В. Н. Оленеводство народов Чукотки в конце XX – первой четверти XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 1–15. DOI: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-15.
- Корнев А. В. Принцип историзма и его методологическое значение // История государства и права. 2023. № 8. С. 47–56. DOI: 10.18572/1812-3805-2023-8-47-56.
- Круглый стол Комитета по промышленной и сельскохозяйственной политике Думы Чукотского автономного округа по проблемам развития оленеводства в регионе. Дума Чукотского автономного округа. 20.03.2015. URL: http://duma.chukotka.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=519:kruglyj-stol-komiteta-po-promyshlennoj-i-selskokhozyajstvennoj-politike-dumy-chukotskogo-avtonomnogo-okruga-po-problemam-razvitiya-olenevodstva-v-regione&catid=10&Itemid=123 (дата обращения 11.01.2017).
- Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. Санкт-Петербург: Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.
- Оленеводство на Чукотке может стать рентабельным // Агентство национальных новостей. 25.10.2007. URL: <http://www.annews.ru> (дата обращения 31.01.2017).
- Пилясов А. Н., Гальцева Н. В., Атаманова Е. А. Экономика арктических «островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 114–125. DOI: 10.17059/2017-1-11.
- Полежаев А. Н., Тогошиев И. Д. Оленеводство Чукотки: второй шанс // V Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области. Магадан: Кордис, 2008. С. 149–150.
- Попков Ю. В. Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 203–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223.
- Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этнокультурный неотрадиционализм и социокультурный подход // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 4. С. 44–49.
- Тишков В. А., Коломиец О. П., Мартынова Е. П., Новикова Н. И., Пивнева Е. А., Терехина А. Н. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Тураев В. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Дальнего Востока в современных условиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 19. С. 195–216.
- Хаховская Л. Н. Взаимодействие людей и животных в чукотском оленеводстве новейшего времени (антропологический аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 98–107. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-098-107.
- Хаховская Л. Н. Магаданское оленеводство в условиях рыночной экономики // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 77–86.
- Хаховская Л. Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.
- Хаховская Л. Н. «Товарищество по жене» как феномен этнической истории чукчей // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 88–91.
- Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2014. 396 с.
- Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений. Москва: Издательство восточной литературы, 2020. 311 с.
- Gray P. A., Stammer F. Siberia caught between collapse and continuity // Max Planck Research: Science Magazine of the Max Planck Society. 2002. No. 3. P. 54–61.

Поступила в редакцию 02.08.2024.

Поступила после доработки 20.08.2024.

ETHNOCULTURAL TRANSFORMATION OF CHUKOTKA REINDEER HERDING IN THE MARKET ECONOMY CONDITIONS: FROM THE TRADITION TO THE NEOTRADITION

L. N. Khakhovskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, n. a. N. A. Shilo, FEB RAS, Magadan

The author considers the current economic and social processes in reindeer herding in Chukotka. The study was conducted in line with the concepts of historicism and neotraditionalism. In the post-perestroika period, the privatization of reindeer herds and an attempt to return to the traditional life resulted in a sharp reduction of domestic reindeer herds. In the second half of the 1990s, the reverse process of unification of the surviving private reindeer herding farms and the restoration of governmental structures began. It is shown that the supporting role of the government has been an integral socio-economic condition for the Chukchi reindeer herding both in the Soviet times and under the market economy. The method of ethnic nature management, equally based on the historical consistency of the traditional indigenous way of life and the modern capabilities of a much wider community, its institutions and the government, in general, is a neo-traditional phenomenon.

Keywords: Chukotka, reindeer herding, ethnic nature management, modern times, transformation, modernization, neo-tradition.

REFERENCES

- Basov, E. Chukotka Reindeer Herding: A Black Hole in the Economy. LiveJournal. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/tag/оленоводы> (accessed 11.07.2024) [In Russian].
- Depselkhoz: Chukotka Reindeer Herders Work at the Limit of Their Capabilities. Chukotka. URL: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/depselkhoz_olenevody_chukotki_rabotayut_na_predele_vozmozhnostey/ (accessed 14.06.2024) [In Russian].
- Dmitrakova, T., 2012. Salaries of Chukotka Reindeer Herders Increased by a Quarter, *Rossiyskaya Gazeta*. 12.01.2012. URL: <https://rg.ru/2012/01/12/reg-dfo/olenevodi-anons.html> (accessed 08.07.2024) [In Russian].
- Dyachkov, G., 1989. How to Become a Reindeer Herder? Reflections of an Old Tundra Dweller on the Lost Traditions of the Ancient Craft, *Sovetskaya Chukotka*. 153, 2 [In Russian].
- Energy of the Arctic and Siberia : The Use of Resources in the Context of Socio-Economic Changes, 2020. Moscow, Vostochnaya Literatura [In Russian].
- Golovnev, A. V., 2015. Chukotka Diary: Reflection on Motion, *Ural Historical Journal*. 2, 6–16 [In Russian].
- Gray, P. A., Stammer, F., 2002. Siberia Caught between Collapse and Continuity, *Max Planck Research: Science Magazine of the Max Planck Society*. 3, 54–61.
- History of Chukotka from the Ancient Times to the Present Day, 1989. Moscow, Mysl [In Russian].
- How to Integrate Reindeer Herding in the Modern Economy. Eastern Center for State Planning. URL: <https://vostokgosplan.ru/kak-integrirovat-tradicionnoe-olenevodstvo-v-sovremennuju-jekonomiku/> (accessed 09.07.2024) [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N., 2019. Interaction between Humans and Domestic Deer on Chukotka in the Modern Period (Anthropological Study), *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 1 (44), 98–107. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-098-107 [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N., 2007. Magadan Reindeer Herding under the Market Economy, *Bulletin FEB RAS*. 3, 77–86 [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N., 2011. The Soviet Modernization of Deer Breeding in Remote Northern Regions (the Case of the Anadyr Region of Chukotka), *Etnograficheskoe Obozrenie*. 6, 112–127 [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N., 2016. The “Spouse Exchange Partnership” as a Phenomenon in the Ethnic History of the Chukchi, *Etnograficheskoe Obozrenie*. 4, 88–91 [In Russian].
- Klokov, K. B., 2023. Russian Reindeer Herding Landscapes: Landscape Zoning and Paths of Reindeer Husbandry Evolution in the Late 20th and the Early 21st Centuries, *Siberian Historical Research*. 3, 96–112. DOI: 10.17223/2312461X/41/6 [In Russian].
- Kolomiets, O. P., Nuvano, V. N., 2024. Reindeer Herding of Chukotka Ethnicities in the End of the 20th – First Quarter of 21st Century, *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 1 (64), 1–15. DOI: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-15 [In Russian].
- Kornev, A. V., 2023. The Principle of Historicism and Its Methodological Significance, *History of State and Law*. 8, 47–45. DOI: 10.18572/1812-3805-2023-8-47-56 [In Russian].
- Neotraditionalism: Archaic Syndrome and the Construction of a New Sociality in the Context of Globalization Processes, 2019. St. Petersburg, Center for Informationization of Education “KIO” [In Russian].
- Pilyasov, A. N., Galtseva, N. V., Atamanova, E. A., 2017. Economy of the Arctic “Islands”: The Case of Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs, *Economy of Regions*. 13 (1), 114–125. DOI: 10.17059/2017-1-11 [In Russian].

- Polezhayev, A. N., Togoshiyev, I. D.*, 2008. Reindeer Herding in Chukotka: A Second Chance, *V Dikov Readings: Materials of the Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the First Kolyma Expedition and the 55th Anniversary of Magadan Oblast*. Magadan, Kordis, 149–150 [In Russian].
- Popkov, Yu. V.*, 2023. Ethnocultural Neotraditionalism: Reflexive Integration Theoretical Model, *Ethnografia*. 3 (21), 203–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223 [In Russian].
- Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A.*, 2013. Ethnocultural Neo-Traditionalism and the Sociocultural Approach, *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 11 (4), 44–49 [In Russian].
- Reindeer Herding in Chukotka Can Become Feasible*, *National News Agency*. 25.10.2007. URL: <http://www.an-news.ru> (accessed 31.01.2017) [In Russian].
- Round Table of the Committee for the Industrial and Agricultural Policy of the Chukotka Autonomous Okrug Duma on the Problems of Reindeer Herding Development in the Region*. Chukotka Autonomous Okrug Duma. 20.03.2015. URL: http://duma.chukotka.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=519:kruglyj-stol-komiteta-po-promyshlennoj-i-selskokhozyajstvennoj-politike-dumy-chukotskogo-avtonomnogo-okruga-po-problemam-razvitiya-olenevodstva-v-regione&catid=10&Itemid=123 (accessed 11.01.2017) [In Russian].
- Shelegina, O. N.*, 2014. Museum World in Siberia: History and Recent Development Trends. Novosibirsk, SB RAS [In Russian].
- Tishkov, V. A., Kolomiets, O. P., Martynova, E. P., Novikova, N. I., Pivneva, E. A., Terekhina, A. N.*, 2016. Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Exploration. Moscow ; St. Petersburg, Nestor-Istoriya [In Russian].
- Turaev, V. A.*, 2017. Reindeer Herding of the Far East Indigenous Peoples in Modern Conditions, *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 19, 195–216 [In Russian].
- Years Fly, Deer Fade...*, *Krayny Sever*. URL: <https://www.ks87.ru/ehkonomika/28/17203> (accessed 09.07.2024) [In Russian].